

Тени прошлого и настоящего: современные попытки дискредитации научного и гражданского наследия академика Н.И. Вавилова

Трускинов Э.В., доктор биолог. наук,
ВНИИ растениеводства им. Н. И. Вавилова (ВИР)

Об академике Н.И.Вавилове написано и издано теперь много литературы. Главным образом как о замечательном ученом, великом ученом-естествоиспытателе, ботанике, генетике, географе, основателе учения об иммунитете растений, внесшем свой огромный и оригинальный вклад в растениеводство как прикладную науку с фундаментальными основами общебиологических знаний о культурных растениях. В его личности и научном наследии наука фактически имеет одного из крупных ученых уровня энциклопедистов прошлых веков. Недаром международный журнал “Heredity” удостоил его чести быть включенным в почетную рамку на титульной обложке наряду с Линнеем, Дарвиным, Морганом и другими мировыми корифеями биологии. Велика его роль и как организатора науки, но на этом поприще он снискал больше терний, чем лавров, поплатившись за свое общепризнанное лидерство в сельскохозяйственной науке и внутреннюю независимость от власти предрержащих свободой, здоровьем и, в конечном итоге, жизнью.

Есть также немало интересных печатных воспоминаний о нем как человеке, замечательной во всех отношениях личности. Из всего этого, а более всего из самих его трудов, как бы заново предстает, возрождается бессмертный образ подвижника науки, цельная и целеустремленная натура человека, беззаветно преданного, можно даже сказать одержимого делом своей жизни, служению которому он посвятил всего себя и, в конце концов, стал жертвой не только политического террора, но и своих моральных жизненных принципов, не позволивших ему поступиться научной истиной. В научной сфере у него было много друзей-единомышленников, были как достойные критики, так и не очень разборчивые в выражении взглядов и средствах достижения цели, но весьма влиятельные в кругах власти противники.

После полной реабилитации в 1955 году его посмертная слава едва ли не превзошла прижизненную. Этому, безусловно, способствовал также неувядаемый венец его мученичества и трагической смерти. Таков удел многих, в свое время отверженных пророков в своем отечестве. Между тем история, говорят, учит тому, что ничему не учит, циклично и цинично возвращаясь рано или поздно «на круги своя». Во все века были свои геростраты, большие и малые, старавшиеся создать себе сомнительное имя на дискредитации или просто оплевывании великих личностей и их деяний. Особенно характерны такого рода выходки и поступки для всякого смутного времени моральной вседозволенности и всеобщего расстройтва в умах и душах людей. Как на рынке, и тут происходит полная девальвация, переоценка и уценка вечных ценностей. И вот выходит в свет книга некоего Ю.И. Мухина под броским названием «Убийство Сталина и Берия» не малым

по нынешним временам объемом и тиражом (10000 экз.), где автор отводит несколько страниц Н.И. Вавилову, чтобы оклеветать, принизить и унижить, попросту оплевать память великого ученого. Все это ему понадобилось только для того, чтобы показать и доказать, что никакой он не жертва политического режима, а получил свое по заслугам, в том числе за измену родине. Ну, а как ученый он вообще дутая фигура, и ботаник-то он плохой, и генетик никакой. И вообще «редиска», сидел на шее государства, тратил огромные средства на свои якобы экспедиции. А вот Т. Д Лысенко - «овощ» что надо, и классовое его происхождение такое, какое следует ученому-агроному, т.е. крестьянское. Вавилова же он почему-то возвел в «ожидовленное дворянство», не потрудившись даже узнать о его исконно русских, крестьянских корнях. С Мухиным все в общем-то ясно: «Ай, муха, знать она сильна, что гадит на слона», если перефразировать известную басню Крылова. Но все эти инсинуации, весь этот бред, к сожалению, плод извращенного воображения не одного зарвавшегося невежи-борзописца, подвизавшегося на ниве скандальной литературы., Его просвещают, а он «дурит мозги» неискушенным читателям, явно более осведомленные и разбирающиеся в науке люди, которым Н.И. Вавилов до сих пор не удобен, которые в своих попытках научной и моральной реабилитации сталинского временщика в биологии и сельхознауке Лысенко, готовы вновь навести тень на главного оппонента и борца с лысенковщиной - политическим гегемонизмом и идеологическим обскурантизмом в науке.

Вместе с тем основной пафос мухинских псевдонаучных бредней сводится к тому, что Лысенко и его сторонники оказались правы в той давней научной полемике с представителями классической генетики о решающей роли внешней среды и наследовании приобретенных признаков, пиком которой явилась печально известная, погромная августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года, а значит не прав Вавилов, убежденный и последовательный защитник современной ему генетической теории и практики. Хотя он и не дожил до этого разгрома заслуженно известной во всем мире отечественной школы генетиков, сомневаться в его отношении к этой позорной даже не странице, а целой главе советской истории нашей науки не приходится. Разве не им сказано «Пойдем на костер, будем гореть, но от убеждений своих не откажемся». Увы, далеко не все ученые устояли перед диктатом власти и инквизиционным мракобесием в науке. Даже такой крупный ботаник как П.М. Жуковский вынужден был в последний момент, подобно Галилею, признать свои научные взгляды ошибочными, оставшись верным им в душе и по мировоззрению. Это позволило ему не быть отлученным от науки, не в пример другим ученым, не отречьшимся от научной истины, а остаться при ней и даже возглавить в то смутное время вавиловский ВИР, что было для института в той ситуации благом. В дальнейшем он сделал многое для возрождения в стране генетики и идей Вавилова, был главным редактором журнала «Генетика» и первый получил учрежденную тогда вавиловскую премию.

И все-таки, как это ни странно, но попытка научной и даже моральной реабилитации Лысенко если по-мухински назойливо не прет из литературных источников и общественных СМИ, то все же порой проскальзывает в отдельных частных выступлениях. Это имело место даже в ВИРе в докладе одного ученого из Института общей генетики на до сих пор не утратившую смысла тему о возможности наследования приобретенных признаков. Дискуссия на эту вечно злободневную тему длится уже не один век, еще со времен опытов А. Вейсмана по отрубанию крысиных хвостов и П. Каммерера с жабами-повитухами. Последний даже покончил жизнь самоубийством после обвинений в их фальсификации. И те, и другие так ничего и не доказали, как ничего не доказал и Лысенко со своими сомнительными, недостаточно апробированными опытами по переделкам, вегетативной гибридизации и т.п. Сам Лысенко как теоретик вообще ничто, все, что сочинялось на эту тему им и его сторонниками, не более, чем старые перепевы додарвиновского эволюционного учения Ж. Б. Ламарка. От самого Ч. Дарвина он унаследовал не столько вечно живой естественный отбор, сколько с зарождением генетики как науки отмершую гипотезу пангенезиса, по которой наследственность это функция целых клеток, выделяющих некие мигрирующие «пангены», а не субклеточных ядерных и цитоплазматических структур-генов. Конечно, мировая генетика со времен так рано погибшего не по своей вине Н.И. Вавилова, да и вполне мирно завершившего свой жизненный путь Т. Д. Лысенко, не стояла на месте и, претерпев у нас немислимые, сколь и бессмысленные гонения, обрела небывалый в науке взлет уже на молекулярном уровне. От этого она не стала менее классической и корпускулярной по механизму наследования. Никто еще не опроверг, как бы кому-то это не хотелось, верность законов Г. Менделя, открытий Т. Моргана, важность работ В. Иогансена, Г. Де-Фриза и др. Как и вклад в генетику таких отечественных ученых как Н. К. Кольцов, С. С. Четвериков, Ю.А. Филипченко и др. и, конечно же, Н. И. Вавилов. Генетика, наконец, вплотную приблизилась к генным детерминантам наследственности, разгадав молекулярную их структуру, расшифровав генетический код, и решает теперь такие теоретические вопросы и практические задачи, которые Лысенко и его сторонники спекулятивно провозглашали, но так одолеть и не смогли, отрицая само существование генов. Управление изменчивостью и наследственностью путем воспитания и адекватного воздействия внешней среды так по сути ничего не дало для селекции и практики сельского хозяйства. В этом отношении, безусловно, что-то дала мутационная селекция вкупе с отбором. Однако по-настоящему реальная и направленная наследственная изменчивость стала возможной только сейчас в связи с успешными опытами по трансформации отдельных генов с нужными признаками. А ведь управление наследственностью и было маниакальной целью Лысенко, однако подходы и средства у него были не те, в частности в его опытах по так называемой вегетативной или прививочной гибридизации, когда получалось неведомо что, если вообще получалось. Лишь теперь получают истинные соматические, а не ложные вегетативные

гибриды методами клеточной инженерии, и не путем опосредованного взаимовлияния чужеродных клеток друг на друга, а посредством прямого слияния протопластов, раздетых, освобожденных от клеточной оболочки клеток, которые все-таки остаются клетками, а не бесклеточной массой, как считала когда-то О. Б. Лепешинская в своих нелепых опытах и попытках опровержения клеточной теории Р. Вирхова. Пример еще одного воинственного заблуждения и навязывания бредовых идей научным оппонентам и обществу, типичных для того времени. Ну, а проблема наследования приобретенных признаков по Ламарку, как это ни парадоксально, до сих пор витает в умах биологов и даже находит как будто некоторую опору в иммуногенетике. Вместе с тем центральная догма современной генетики, согласно которой молекулярный вектор жизни это ДНК→РНК→белок, хотя и несколько поколеблена за счет открытия обратной транскрипции: ДНК←РНК, однако обратной трансляции от белка к нуклеиновым кислотам никто еще пока не доказал.

Итак, можно было бы поставить крест на мухинских антивавилонских и пролысенковских инсинуациях. В научном плане все уже фактически решено и вовсе не в пользу лысенковских примитивных взглядов на адекватную роль внешней среды в наследственной изменчивости. Что же касается морального аспекта противостояния двух крупных фигур в науке, то история тут также вынесла однозначный вердикт виновности Лысенко в разгроме генетики и административном насаждении своего культа и методологии в сельскохозяйственной науке. А то, что он не причастен к аресту и гибели Вавилова, верится не более, чем в невиновность Каина в смерти Авеля. Еще за год до ареста ученого Берия направил письмо Молотову о необходимой для этого санкции под предлогом противодействия того политике Лысенко.

Свои ненавистные взгляды на науку, в особенности на генетику, а также на ученых к ней причастных, за исключением, конечно, Лысенко и его сторонников, Мухин в очередной раз воспроизвел в последней своей книге, посвященной в основном этой теме и названной «Продажная девка генетика» (2006, 4000 экз.). Название довольно ходульное для времени гонений на эту несчастную науку, правда, с мухинской поправкой: продажная девка: не империализма, как бывало, а партноменклатуры. Взгляды эти и способы их выражения весьма характерны для автора сего сочинения. Ему читатель обязан двумя оригинальными терминами: вавилонщина и делократия. Вавилонщина как антитеза на укоренившееся уже в сознании научной общественности понятие лысенковщина. Определения понятию вавилонщина автором не дается, но подразумевается как нечто отрицательное, противоположное тому, чем занимался Лысенко. А Лысенко занимался, разумеется, делом, тогда как Вавилов – нечто совершенно бесполезным. Характерна авторская эволюция этих взглядов от утверждения, что Лысенко был прежде всего управленец наукой, а «как ученый был очень плох. Его научные идеи ошибочны. Возможно, он не имел таланта к этому, ему просто не хватало времени на науку», до прямо противоположного, панегирического взгляда на него. Первое представление самокритично признается глупостью,

на которую ему указали биологи-специалисты, среди которых сыновья Т.Д. Лысенко. Думается глупость автора не в этом, а в общей огульной мировоззренческой позиции и представлении о науке как о дойной корове, которая, хочешь не хочешь, а давай в положенное время порцию парного молока. Научный труд - это не механическое доение, а творческое, не всегда хорошо прогнозируемое добывание знаний, на основе которых и разрабатываются прикладные технологии того или иного вида «доения». В этом отношении деление науки на фундаментальную и прикладную весьма условно: наука как таковая неделима и, в конечном счете, обязана обслуживать социальные, экономические и технические нужды общества, но для этого ей надо тоже чего-то давать, прежде чем с нее что-то спрашивать. В этом отношении государство, общество не всегда идет ученым навстречу, бывает и обратный вектор, что и ощущалось в последние, не самые лучшие годы существования отечественной науки.

Представления Мухина о научных фактах и научном труде не просто дилетантские, а на уровне школярских, причем нагло школярских, когда распоясавшийся ученик отвергает сам предмет изучения. Чего, например, стоят его хамские нападки на генетику, которую он не постиг и на тройку, возомнив себя в этом предмете отличником. Впрочем, она для него вообще не предмет изучения, не наука о наследственности, да и сама наследственность для него не более чем миф. Отрицание ее не мог себе позволить даже сам Лысенко. Конечно, проблем у генетики и генетиков на протяжении всей не слишком долгой истории их существования было и остается немало, как собственно научных, так и идеологических, в том числе и тех, которые затрагивает Мухин: что дала или не дала генетика людям, своему народу. Можно даже в чем-то с ним согласиться, генетика все еще в значительной степени занимается добыванием научных фактов, их анализом, а не синтезом, но не разделять же с ним совершенно нелепое отрицание генетики как науки, а наследственности как свойства всего живого. Бросается в глаза почти патологическая ненависть Мухина к сфере научной деятельности и ее носителям. При всем том, что он сам был, оказывается, когда-то советским ученым и «одних отзывов на кандидатские и докторские диссертации дал штук 400», работая на заводе. Можно понять, откуда такая нелюбовь к науке. При таком количестве отзывов, скорее всего формальных, наука может действительно опротиветь, особенно, если самому не удалось в ней утвердиться и выдать какую ни есть диссертацию. Не потому ли технократ и «делократ» Мухин решил сменить это занятие и приняться за совсем другое, более прибыльное и заметное для общества дело, обратиться к одной из древнейших профессий – журналистике. Словооблудия и того, что ныне называют пиаром ему не занимать. Тут он действительно мастер своего дела. Ну что же, пускай пиарит, самовыражается в этом и далее, раз на это есть определенный заказ и спрос. Все мухинские притязания на то, чтобы быть обвинителем и судьей и без того не больно привечаемой у нас ныне науки, бесплодны. Несмотря на все зудения и кусания всяких мухиных, отечественная наука была, есть и будет, а с ней и генетика никуда

и никогда не исчезнет, классическая генетическая модель - мушка дрозофила бессмертна, а прочие мухи как налетели, так и отлетели.

А вот уже несколько другой антивавилонский расклад, также получивший достаточно широкую огласку, на этот раз в газете «Новый Петербург» (№ 50 за 8.12.2005 год) в статье со страшно интригующим названием «Семенные войны». Общий смысл ее в том, что рынок семян культурных растений, как все в этом мире, неизбежно глобализируется, а Россия к этому, как всегда не готова. Естественно возникает вечно российское «что делать?» и «кто виноват?» с особым упором на последнее. Делается нелicenseприятный кивок в сторону властей, «представленных офицерами тайной полиции и сторонниками сырьевого бюджета». Но особенно достается «ученикам и продолжателям дела Вавилова, безосновательно претендующим на место среди мировых модераторов (?) агробιοразнообразия». Соответственно развенчивается и сам академик Н.И. Вавилов, а также созданный им ВНИИ растениеводства (ВИР). Ну, что касается вавилонского института, то упреки и разносы в его адрес не новы, особенно остро ощущалось это в годы монополии на власть в сельскохозяйственной науке Т.Д. Лысенко. Был в ходу даже лозунг: «Вавилон» должен быть разрушен. Однако поскольку отделить Вавилова от ВИРа нельзя, как Адама от Евы, достается обоим. Автор газетной публикации некто А. Юркин позволяет себе весьма развязно, а главное совершенно огульно, бездоказательно «критикнуть» Н.И. Вавилова за его якобы ставшие догмами ошибки, которые «были оформлены академическим иконостасом». В чем состояли эти так называемые ошибки понять из данной статьи практически невозможно. Зато невольно приходит мысль, что с автором что-то не ладно по части логики мышления, а главное понимает ли он сам о чем и о ком пишет. «Прогрессивное для первой половины XX века и на много лет опередившее свое время учение Вавилова оказалось омертвляющей догмой для российских селекционеров». Спрашивается, почему и в чем, если действительно опередило свое время? А Вавилов действительно работал не только и не столько на настоящее, сколько на будущее.

Страшно озабоченный состоянием национального, стало быть российского семеноводства автор очерка «семенные войны» корит наших селекционеров не просто за то, что они якобы оказались «на обочине развития прогресса», а также за то, что они не озадачились связать, увидеть прямую зависимость семенного дела с расовой теорией (?). Что тут имеется ввиду сразу не постигнешь. Однако из дальнейшего весьма затейливого хода мыслей Юркина выясняется, что оказывается «как это не прискорбно признавать, но сегодня доктрина Вавилова работает на интересы Китая, Ирана и Израиля, а не на пользу русской цивилизации» (однако же ведь работает, оказывается, и не понятно почему для России она стала «омертвляющей догмой»). В этом, очевидно, и сказывается вся расовая несостоятельность продолжателей вавилонского дела и учения. Приходится согласиться лишь с тем, что Вавилову вообще-то действительно был чужд какой - либо расовый или классовый подход к науке, а к растениеводству в особенности. Будучи

патриотом своей страны, в то время СССР, он, что называется, стоял обеими ногами на глобусе, земном шаре, жил интересами всего человечества и соответственно служил ему как гражданин мира в самом высоком смысле этого понятия. Это его в известном смысле и сгубило, ибо не укладывалось в идеологические и классовые догмы того режима, при котором он работал. И в этом смысле он был скорее антирасистом, чем расистом российского юркинского толка.

Ну, а что касается собственно научного, а не идеологического аспекта юркинских выпадов в адрес Н.И.Вавилова и его последователей, то он, как уже отмечалось, еще более невразумителен и темен, если вообще имеет место. Чего, например, стоит такой пассаж, как необходимость пересмотра вавиловских «представлений о биологических основах селекции и его же учения о центрах происхождения культурных растений» после создания компьютера, достижений кибернетики и новых информационных теорий. Если бы за этой пустопорожней фразеологией стояло что-то действительно серьезное, то автору-очеркисту надо было бы привести мало-мальски разумную, и уж, конечно, желательную научную, а не газетно-спекулятивную аргументацию, да и ту по сути отсутствующую. Утверждение же о том, что вавиловское учение о селекции и центрах происхождения культурных растений не поняты и даже не замечены лидерами мирового семеноводства пусть остается на совести автора, который действительно многое, если ничего, в нем не понял и не заметил, если вообще знаком с ним. При этом еще умудрился исказить факты. В частности, явно придумал тезис о том, что «восторгаясь биоразнообразием Монголии Вавилов был близок к пересмотру собственных взглядов конца 1920-годов». В действительности же Н.И. Вавилов, побывав почти на всех континентах и в очень многих странах, Монголию, как таковую, не посетил и восторгаться хотя бы поэтому ею не мог. Экспедицию в Монголию предпринял его ближайший сподвижник В.Е. Писарев. Ну, а представление об этом регионе вполне исчерпывающе изложены им в рукописи «Пять континентов», изданной уже после гибели и реабилитации Н.И. Вавилова. В частности, там он утверждал, ссылаясь на исследования Писарева, что «Центральная Азия не имела отношения к происхождению культурных растений – все, что здесь возделывается, привнесено или из Юго-Западной Азии или из Китая». Естественно учение Н.И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений претерпевало определенную эволюцию взглядов автора и уже поэтому не могло быть «омертвляющей догмой для российских селекционеров». Ни число, ни локализация этих центров не являлись раз навсегда фиксированными. Вавилов просто не успел это дело завершить. После его гибели в дальнейшее развитие этой теории ценный вклад внесли П.М. Жуковский и Е.Н. Синская-его ближайшие соратники. При том, что основная идея и концепция осталась чисто вавиловской: приуроченность центров происхождения к определенным географическим и климатическим зонам, а также к очагам древних земледельческих культур, т.е. учитывался как природный, так и антропогенный фактор агробиоразнообразия. Особо значимо для

селекционеров было открытие в этих центрах новых видов, диких родичей уже известных экономически важных, сотни и тысячи лет возделываемых культур. Так именно только после вавилонских, по замыслу, экспедиций в Южную и Центральную Америку С.М. Букасова и С.В. Юзепчука в 20-годах 20 века началась подлинная революция в селекции картофеля. До экспедиций Вавилова и его сотрудников в разные регионы земного шара его уже основательно «обшарили» американские исследователи, можно сказать подлинными первопроходцами и пионерами интродукции культурных растений, однако именно вавилонский метод целенаправленного поиска и мобилизации растительных ресурсов стал определяющим для мировой селекции на многие годы вперед. Нет весомых оснований отказываться от него и в настоящее время, хотя, конечно, определенные изменения и сдвиги в методах сбора, поддержания и хранения, изучения и использования мирового генофонда сельскохозяйственных растений, а также в международном сотрудничестве и геополитике государств, конечно, не могли не произойти.

Ну, а что касается сетований автора относительно все возрастающего отставания российской селекции и семеноводства от уровня мировых достижений сельскохозяйственного производства, то и в этом, он похоже разбирается дилетантски. Надо все-таки знать и понимать о чем идет речь. Селекция и семеноводство тесно взаимосвязаны, но не являются одним и тем же. Достижения наших селекционеров не такие уж плохие и вполне конкурентноспособны на нашем внутреннем рынке. Если сорта чего-то и не добывают, то, прежде всего, из-за низкой агротехники, а это во многом зависит как раз из-за рыночного дисбаланса цен на технику, удобрения и прочие необходимые атрибуты сельхозпроизводства, а также недостаточного его дотационного финансирования, что признает и сам газетный автор-«разоблачитель». Следует также признать, что отсюда и качественный уровень производства оригинальных сортовых семян далеко и часто не на должном методическом уровне и не соответствует мировым стандартам. Но при чем тут отрицаемые Юркиным как ценность «вавилонский вектор» и мировая коллекция растительных ресурсов» ВИР? Вавилова давно нет, а коллекция его была значительно приумножена. Россия, как раз благодаря вавилонскому старту и вектору, остается одним из крупнейших держателей мирового растительного генофонда, уступая лишь США и Китаю. Насчет того, что коллекция эта лежит мертвым грузом не подлежит даже опровержению, ибо кому это знать лучше, чем самим коллекционерам, ежегодно набирающим (да вручную, а как еще прикажете) и отсылающим семена селекционерам, чья работа напрямую зависит от исходного материала ВИР, а выведенные ими сорта в значительной мере включают генофонд вавилонского института. Методы этого выведения может быть пока не такие уж ультрасовременные и ускоренные, но зато более выверенные и надежные. Современные геноинженерные технологии имеют, конечно, большое будущее, но не столько по части результата селекционного процесса (здесь каких-то невероятных чудес вряд ли ожидается), скорее они будут способствовать более быстрому, целевому, а значит и эффективному его

завершению. При этом надо быть достаточно осмотрительным и не стремиться быть в этом направлении «впереди планеты всей», т. к. введение чужеродных генов и ускоренное получение с их участием так называемых генетически модифицированных растений (ГМР) требует специального и достаточно продолжительного их изучения на предмет медицинской и экологической безопасности.

Возвращаясь к исходному мотиву статьи А. Юркина, броско отраженному в ее заглавии, следует сказать, что независимо от того вступит ли Россия, примут ли ее в ВТО, ничего, очевидно, страшного для продовольственной безопасности страны не произойдет. Во всемирной торговой организации уже не одна сотня государств и что-то никакого потрясения глобального миропорядка пока не ощущается, в том числе и пресловутых семенных войн. Рыночная конкуренция это еще не война, в отличие от войн она вполне рациональна и вполне может стать регулятором прогресса в экономике. Россия во всех отношениях самодостаточная страна, в том числе и по производству основных растительных продуктов питания. Утверждать, что в «отличие от Афганистана и Японии Россия не самодостаточна по зародышевой плазме культурных растений» можно лишь, не вникая в суть проблемы, да и нелепо сравнивать столь разные по природным и экономическим ресурсам страны. Если Афганистан, Средняя Азия, которые столь детально когда-то исследовал в своих путешествиях Н.И. Вавилов, действительно являются неким природным кладом агробиоразнообразия, то Япония как островное государство богато в основном культурными эндемическими формами, преобразованными, сильно видоизмененными искусной селекцией. Россия вполне может тягаться как в том, так и в другом случае по части природных и селекционных сокровищ уже потому, что зародышевая плазма культурных растений и их диких родичей со времен Вавилова и поныне достаточно надежно хранится тут в вавиловском институте растениеводства. И чтобы там не нес Юркин и ему подобные на ВИР, репутация института проверена трагическими блокадными годами войны и мирными десятилетиями сборов, изучения и хранения мировой коллекции растительных генетических ресурсов, несмотря на все объективные и субъективные трудности, в особенности так называемого перестроечного периода. ВИР, хотя и не признан до сих пор национальным достоянием России, является совершенно уникальным государственным учреждением, национальным генбанком растительных ресурсов не только общероссийского, но мирового значения. И как бы не была отстала его техническая база, многое в этом отношении улучшено, модернизировано в последние годы, благодаря не столько государственной финансовой поддержке, сколько материальной помощи международных фондов развития науки. Что-то это не совсем укладывается в смысл газетного кликушества о грядущих семенных войнах. Международное сообщество, человечество способно и стремится найти сугубо мирные пути существования в нашем достаточно тесном, а главное едином для всех мире на не слишком обширной планете земля.

Возникшие, как тени прошлого, и уже представленные здесь два лихих горе-ниспровергателя научного и гражданского наследия Н.И. Вавилова, осквернители самой памяти о нем, в общем не более, чем, говоря на их сленге, отпетые журналюги, делатели желтой прессы, мастера «пиара», что с них взять. Чем абсурдней и гаже их перо, тем больше успех у наивных потребителей такого рода чтива. Но когда на этой сорной ниве выступает ученый, приводя столь же нелепые, но освященные некоторым знанием доводы, то из этих плевел вырастает литературный сорняк куда более опасный и злостный. Так не намного лучше, а в чем-то даже и хуже предстает позиция профессора С.-Петербургского государственного аграрного университета (СПбГАУ) В.И. Пыженкова, опубликовавшего к 100-летию института свой доклад: «Н.И.Вавилов-человек, ученый, организатор и руководитель кафедры генетики и селекции СПбГАУ». Его-то уж никак нельзя заподозрить в незнании того о ком и о чем он докладывал, тем более, что он ряд лет заведовал именно той кафедрой, которую когда-то основал Н.И. Вавилов. Однако то, что и как он излагает, интерпретирует деятельность своего выдающегося предшественника повергает не просто в недоумение, а в неловкость за автора, хотя сам Пыженков похоже никакой неловкости за явное неприличие и бестактность своего опуса не испытывает. Мало того, он его активно рекламирует и, что особенно плохо, не просто как свое частное мнение и суждение, а преподает, а значит навязывает свои морально да и научно не безупречные идеи студентам. Чего, например, стоит такого рода сентенция, что «Н.И. Вавилов мог бы стать действительно гениальным ученым, но для этого ему не хватало усидчивости» (ну, прямо, как выговор строгого преподавателя студенту-непоседе). Можно, конечно, спорить о гениальности той или иной выдающейся личности и что вкладывается в это понятие. Но отрицать так называемую усидчивость у подвижника науки, работавшего по 20 часов в сутки, не знавшего ни отпусков, ни выходных, ни праздников (по свидетельству его жены Е.И. Барулиной и всех, кто с ним работал) более, чем странно, когда сам Пыженков не может не признать того общеизвестного факта, сколь «он ошеломляюще много сделал» на поприще науки за свою в общем-то не длинную, столь рано загубленную жизнь.

В своем подчеркиваемом стремлении очеловечить образ Н.И. Вавилова, «передвинуть «лик Николая Ивановича из ритуального угла в залы музея, ставя его в ряд с другими произведениями искусства» или еще более назидательное: «Не всегда святые, под знаком которых мы живем, оказываются истинными» Пыженков не столь оригинален, сколь банален. Кто бы с этим спорил, и нам ли это не знать, прожив в России исторически короткий, но вместе с тем столь насыщенный роковыми периодами срок. Формально история все расставляет по своим местам, которые, как известно, «святые пусты не бывают». Да, Н.И. Вавилов далеко не святой, хотя и официально признанный нынешними властью и обществом как великий ученый-подвижник, замученный прежним режимом. Да, «не сотвори себе кумира» - одна из первых библейских (кстати, не только христианских) заповедей, который автор не вполне уместно, хотя и с очевидным смыслом

поставил эпиграфом своего доклада. Однако все эти нравоучительные истины не дают ему право весьма произвольно, а порой и вовсе бесцеремонно трактовать дела и поступки не просто того или иного исторического лица, а личности, значение которой для науки не преходяще и требует по-настоящему взвешенного и в любом случае уважительного к себе отношения.

Чего, например, стоит и как по-прокурорски обвинительно представлена та действительно мало кому известная история об арендном договоре, связанном с Пушкинскими лабораториями ВИР. Автор может возразить, что опирался на некие документы, свидетельствующие якобы о не вполне благовидной роли Вавилова в отчуждении бывшей усадьбы великого князя от тогдашнего Агрономического института. Даже, если все так, как описывает Пыженков, что из этого следует? Да только то, что Вавилов действительно показал себя умелым политиком (именно политиком, а не политиканом), ставящим интересы вверенного ему коллектива Отдела по прикладной ботанике и селекции, его работы и благоустройства на первое место, причем без особого ущерба, а скорее с пользой для Агрономического института и возглавляемой им кафедры. На первом плане у него всегда была научно-исследовательская работа, а педагогическая как приложение к ней, как кузница будущих кадров агрономов-исследователей, из которых действительно вышло немало крупных ученых - вавиловцев, составивших в том числе цвет ВИРа: Н.Р.Иванов, А.Я. Камераз, В.Т. Красочкин, В.В. Суворов, Е.С.Якушевский и др. После переезда из Саратова у него была масса проблем по обустройству жизни и работы своих сотрудников, которые поехали за ним в Петроград, полностью доверившись своему руководителю. И он делал все возможное и невозможное, чтобы люди и работа, за которых он отвечал, были устроены и задействованы, как он того замыслил. Да, он «делал политику в Царском Селе», о чем писал в Саратов Е.И.Барулиной, но не ради каких-то личных, «шкурных» интересов, а ради высшей цели организовать работу и людей на выполнение поистине мировых задач в растениеводстве. Ну, а приводимый в докладе пресловутый меморандум и арендный договор, конечно, небезинтересны для историка-архивиста как документы того времени (а договор и для настоящего), но для нас это не более как пример конкретных, практических средств достижения нужной цели. Может они могли быть и более «джентльменскими», хотя ничего в них незаконного не усматривается. Вавилову, наверное, было виднее, как поступать, и его меньше всего заботило в то время, как на это посмотрит в следующем веке профессор Пыженков. Если бы он не был политиком, он не был бы тем выдающимся организатором науки, заслуга, которую вынуждены признать все, в том числе и раскопавший эти факты докладчик. Усадьба, о которой идет речь, стала главной экспериментальной базой ВИР. Сам же институт размещался при Вавилове в нескольких зданиях в центре города (два на Исаакиевской площади, а также Строгановский дворец на Невском), не говоря уж об организованных им более десятка опытных станций по всей стране. Каким образом, ценой каких усилий и жертв все это грандиозное

сотворение мирового по своему значению научного центра достигалось, ждет, видимо своего объективного историко-архивного изыскания. Но не такого, как нам предложено Пыженковым, типа того, что кто-то весьма уважаемый «надул» другого не менее уважаемого и «оттяпал» у него лакомый кусок земли и строений. Как бы это не выглядело объективно, конечная оценка этой истории явно примитивна и субъективна.

Столь же сомнителен намек на неблагодарность Вавилова, за которого именно ректор института И.Л. Джандиери ходатайствовал перед Наркомпросом командировать в США на конференцию фитопатологов в 1921 г. в ущерб проф. Н.А. Наумову. Имея личное приглашение, Вавилов бы не был Вавиловым, если бы не взял все в свои руки. Поездка Н.И. Вавилова и А.А. Ячевского решалась на самом высоком уровне в Совете труда и обороны, при личном участии Ленина, и не через Наркомпрос, а через Наркомзем, Наркомфин, Наркоминдел. Всю организацию поездки он взял на себя. В письме к Е.И. Барулиной признавался: «Если бы я знал раньше, каких хлопот будет стоить Америка, может быть я воздержался бы от этого предприятия». Он ехал в США не просто как ученый-визитер, а с целью изучения опыта ведения сельского хозяйства в Америке и Западной Европе, а главное как эксперт по закупке зерна в США. Нельзя забывать, что в России в это время разразился страшный голод в Поволжье. Ученым для этой цели выделили определенную сумму валюты.

Закрывая эту тему архивных изысканий Пыженкова, нельзя не отметить тот неприятный осадок, которые они оставляют. Досадно, что он не нашел ничего более достойного, как придать пребыванию Вавилова в институте некий скандальный акцент. Неужели кроме этого мало кому известного и исторически не столь значимого инцидента, автор доклада, посвященного организатору и первому руководителю кафедры генетики и селекции СПбГАУ не нашел никакого реального позитива. Может быть его руководство кафедрой до 1927 г. и было формальным в виду частого отсутствия по известным причинам, но его лекции не могли пройти и не прошли бесследно для тех, кто его слушал, а лектором он оставался до 1930 г. Например, осталась незабываемой его лекция по результатам поездки в США и Западную Европу в 1921 г. для А.Я. Камераза, тогда студента института (по его воспоминаниям). Не менее положительны, если не восторженны, воспоминания других тогдашних студентов Агроинститута, слушавших Вавилова и не без его влияния пошедших работать в науку, в том числе в ВИР. Вообще некая тенденция автора доклада противопоставить Агроинститут и ВИР, кажется, не просто мало продуктивной, но и в корне неправильной. Между этими институтами, учебным и исследовательским всегда была кровная непрерывная связь. Многие выпускники Агроинститута стали известными сотрудниками ВИР, а ведущие сотрудники ВИР были профессорами и заведовали кафедрами института (К.И. Пангалло, Г.А. Левитский, Л.И. Говоров, К.А. Фляксбергер). Сам В.И. Пыженков, окончивший Аграрный институт, а затем аспирантуру ВИР, и работавший какое-то время там, разве не пример такой извечной связи и сотрудничества.

Ему ли не знать все проблемы ВИРа и нелегкую судьбу тех же Пушкинских лабораторий. Кстати, предав огласке содержание и условия арендного договора заключенного когда-то Вавиловым с местными властями, Пыженков, кажется, оказал дурную услугу ВИРу. Не исключен иск об утрате его силы (оказывается был заключен только на 36 лет). Да, все приходит в упадок и ветхость. Да, приходится перебиваться не самой респектабельной и рентабельной арендой зданий. Такое время, правда, Вавилову в 20-е годы прошлого уже века было не легче, а гораздо сложнее и труднее (голод, холод, разруха) так нам ли его судить за его борьбу за выживание в тех более чем суровых условиях. Из той же библии: «не судите, да не судимы будете», но, тем не менее, судим.

Так и Пыженков, осуждая поведение Вавилова в его отношениях с ректором Агроинститута, пытается по-своему объяснить это особыми не управляемыми свойствами его характера. Да, как он справедливо отмечает, «Николай Иванович знал себе цену. Эта цена была очень высока». Но при этом он никогда себя не переоценивал. Уча других, всю жизнь одержимо учился сам, одолевая горы научной литературы. И так с юных лет. Именно это позволило ему стать ученым-энциклопедистом. Не только агрономом-ботаником, как отмечено в анкетах, но и генетиком, биогеографом, иммунологом, интродуктором, историком земледелия, настоящим естествоиспытателем, как это принято было называть в прошлые века. Ну, а примеры великих людей прошлого действительно вдохновляли его и прибавляли сил духовных и физических. Очень характерна в этом отношении выдержка из письма саратовскому другу: «Хочу Вам послать, если найду, на днях биографию Микельанджело, написанную Роменом Роланом. Ее Вы обязательно должны прочесть, написана она замечательно. И когда Вы ее прочтете, то забудете все горести. Я повесил у себя в кабинете «Давида» и «Моисея» Микельанджело и, когда бывают неприятности в жизни, я всегда вспоминаю его биографию, как он тащил мрамор с Аппенин и будучи брошен, полуизгнанником, в болезни высекал то, что никто еще не превзошел. Надо идти своим путем, быть героем, не взирая ни на что. Набирайтесь бодрости, дерзости».

В целом пыженковские рассуждения об особенностях характера Н.И. Вавилова были бы, возможно, допустимы, если бы не были так субъективно, а порой просто извращенно поданы. А автор доклада претендует, как явствует из его ремарок, как раз на некую не свойственную другим объективность. Чего, например стоит один его комментарий к отрывку письма Вавилова к Е.И. Барулиной, из которого он выхватил только первую строку: «Сижу в кабинете за столом покойного Р.Э.Регеля..», делая из этого мелочно пошлый вывод, что это льстит его самолюбию. Если бы он привел этот отрывок полностью: «..и грустные мысли несутся одна за другой. Жизнь здесь трудна, люди голодают, надо вложить заново в дело душу живую. Надо строить заново все... Мне кажется, что я стал верующим человеком, как был в детстве, только вместо одного бога служу другому. И право хочется создать храм науки.», то о каком самолюбии здесь вообще может идти речь. Более

чем странное прочтение эпистолярного наследства Вавилова, а именно из его очень доверительных мыслей можно многое почерпнуть о характере автора писем.

Характерно, что в чрезмерном самолюбии уличает Вавилова и Якушкин, профессиональный доноситель и эксперт по делу арестованного в 1940 г. ученого. Думается, однако, что все это от предвзятой мелочности наблюдений. Н.И. Вавилов, как всякий нормальный человек, наверное, не был лишен этого человеческого чувства, но не в такой же недобросовестной мере, в какой ему это приписывают. К тому же следует отличать прощительное самолюбие от действительно порочного себялюбия, эгоизма. Однако, перефразируя Станиславского, о Вавиллове никак нельзя сказать, что он любил себя в науке больше, чем науку в себе. Науку, творчество в себе и в других он любил, как никто другой, отдав ей все, в том числе всю свою жизнь. Путешествия, поездки он, конечно, любил также, но они не были для него самоцелью. Тем более, что многие из них были очень изнурительными и рискованными для жизни. Все его экспедиции и поездки имели целью только одно: обогатить науку, мировое и отечественное растениеводство, человечество новыми знаниями, новыми идеями, новыми культурами.

Что касается суждений Пыженкова о Вавиллове как ученом, о стиле его исследовательской работы, то и тут с ним вряд ли можно согласиться, и, прежде всего, в главном: «Он был по натуре, по складу характера эклектиком». Если исходить из словарного определения этого понятия, что эклектик это ученый, художник, политик и т.п., беспринципно сочетающий противоречивые, несовместимые взгляды, стоящий на позиции эклектизма, т.е. отсутствия единства, целостности, последовательности в убеждениях, теориях, то это явно не Вавилов. Скорее Лысенко с его стихийно невежественным совмещением Дарвина с Ламарком, а также бредовыми идеями макромутационистского толка о порождении видов (ржи из пшеницы, кукушки из пеночки и т.п.). Вавилов был очень последователен и стоек в своих научных воззрениях и теориях. Всем известно уже приведенное «Пойдем на костер, будем гореть, но от своих убеждений не откажемся», и это не было публицистической метафорой.

Видимо, не удовлетворенный тщетностью своих жалких попыток поколебать прижизненный авторитет и посмертную славу Н.И. Вавилова как великого ученого и гражданина России и слишком раззадоренный не всегда конструктивной, но весьма эмоциональной, отрицательной, как правило, реакцией на свои антивавилловские по сути демарши, В.И. Пыженков предпринимает следующий заход в своем маниакальном походе на святыни, как ему кажется, научного Олимпа. Потерпев явное фиаско в принижении человеческого облика Вавилова, он решился на еще более проигрышную попытку дискредитировать его как ученого, опубликовав вторую по счету, желтую по цвету и сути, брошюру (желтой может быть не только пресса) под названием «Николай Иванович Вавилов и его «закон гомологических рядов в наследственной изменчивости». Почему закон заключен в кавычки становится ясно из содержания этого любопытного во многих отношениях, и

авторской психологии в частности, творения сильно уязвленного ума. Это, конечно, не мухинские хамские пассажи на тему: «Кто он такой?!», но пыженковский подход к личности и степени значимости ученого едва ли лучше, если не хуже. .

«Не сотвори себе кумира», известная библейская заповедь, была взята в качестве эпиграфа первой публикации. Вторая вышла без эпиграфа, но рефрен все тот же. Вместо него ссылка на некое высказывание одного норвежского писателя: «Все от Бога, даже самое адское и низменное создано Господом. Поэтому Бог должен быть человеком». Отсюда довольно банальный вывод Пыженкова: «Но если Бог должен быть человеком, то Н.И. Вавилов - тем более». Возведя, вернее низведя Вавилова в образ человека по своему пыженковскому подобию, он искренне доволен, как бы любит себя собой: вот я какой ясновидящий среди вас слепцов, не разглядевших в постаментном идоле живого человека, которому ничто человеческое чуждо не было. Разглядели и без вас и задолго до вас, господин профессор, и именно живые человеческие черты, которых вы не зрели, но позволяете себе в издевательском духе отзываться о тех вавиловских «соратниках» (возведя их также в кавычки), которые хорошо знали Вавилова, работали с ним. Людей во многих отношениях достойных и честных, не позволявших себе отзываться о нем неуважительно лишь потому, что не имели на это основания, а не по принципу «о покойных хорошо или ничего».

Да, если чересчур долго и пристально смотреть на белое, может почудиться и темное, даже «Черный квадрат» Малевича (своего рода художественный фантом). Можно и на солнце разглядеть темные пятна, но для этого надо сильно зашорить зрение, лучше всего через закопченное стекло. Похоже, что взгляд Пыженкова на Вавилова явно фантомный, искусственно затемненный сквозь закопченные сажой уменьшительные линзы какого-то явного недоброжелательства, нелюбви к нему. И не только к нему. Недаром в своей новой брошюре, дабы обосновать эту неприязнь, он приводит целый синодик известных и знаменитых лиц, которые имели неизвестные и отрицательные, с точки зрения Пыженкова, черты характера или даже профессии. Возглавляет его сам «великий и гениальный» А.С Пушкин, который, оказывается, был «развратником и циником», что заключается из его частной переписки с непристойным и недостойным «чудного мгновения» упоминанием мадам Керн. Бедный Пушкин, он и не подозревал, что его злосчастная переписка эта станет предметом изучения пушкинистов, и мало того, будет опубликована на потребу таких вьедливо заинтересованных читателей как Пыженков. Далее следует И.А. Крылов, «хрестоматийный баснописец», зачисленный им в штатные оперативные сотрудники русской таможни, хотя до сих пор было всем известно, что тот пребывал в штате Публичной библиотеки, а на таможне работал, что может быть не так известно, А.Н. Радищев, но это не так важно. Важнее то, чем уж так не угодила Пыженкову должность таможенника, или уже в те далекие времена она была синонимом взяточника? Так поэт Ф.И. Тютчев был не только дипломат, но исполнял какое-то время должность цензора. Так что он от этого менее велик как поэт

и порядочен как человек и гражданин? Далее хлеще, Грибоедов был не только поэт, музыкант и дипломат, но и «штатный офицер русской разведки». Оказывается и это вредит ему в прищуренных и особо фильтрующих глазах Пыженкова. А вот и вовсе умора: Агния Барто оказывается не только писала милые стишки для детей, но и «виртуозно материлась» (надо надеяться не в присутствии своих маленьких читателей). А вот «Вера Имбер», надо полагать поэт Вера Инбер, та вообще злодейка : требовала казни своего двоюродного брата Льва Троцкого (тем, видимо, и спаслась). Это уже даже не фантомы, а ряд пыженковских финтов. Но причем тут Вавилов? А при том, что он такой же, не лучше, чем перечисленные лица. Может быть и не лучше, чем Пушкин, но явно и не хуже.

Однако все эти литературные забавы и приколы лишь присказка к очередной пыженковской сказке о том, какой, однако, нехороший был Н.И. Вавилов, в пику тому, что говорили и писали о нем его сподвижники и что вполне утвердилось в современном научном и общественном мнении. Если в первой брошюре потуги показать и доказать это благополучно провалились как явно несерьезные, фальшиво натянутые и притянутые, то в нынешнем варианте предпринимается более серьезная попытка «достать» Вавилова «не мытьем, так катаньем». Накат на него ведется уже с позиции не просто моральной, но и как бы научной дискредитации, в частности в отношении известного закона гомологических рядов в наследственной изменчивости, который по Пыженкову вовсе и не вавиловский. Вряд ли тут стоит приводить и столь же серьезно разбирать аргументацию автора антивавилонской по сути брошюры, поскольку она мало чего открывает и добавляет к пониманию сути закона. Тем более что сам он его ни в коей мере не оспаривает. Оспаривается лишь авторство закона, причем в таком духе, что невольно закрадывается мысль, а не имеем ли мы тут дело с крупным научным хищением, т.е. плагиатом. Как можно расценивать такое заключение нового публичного откровения Пыженкова: «Теоретические труды большинства ученых состоят из взаимозаимствований, меньше - просто заимствований и, к сожалению, редко, но все же встречается - из воровства. Так же редко, но все же встречаются, полностью оригинальные работы. Последнее - удел избранных». Из этого небогатого, прямо скажем, выбора читателю предлагается самому судить, куда отнести обсуждаемый закон. Судить, конечно, читателю, но не остается никакого сомнения в том, какого мнения сам автор. Что ж это личное его право иметь то или иное мнение по тому или иному вопросу или даже закону. Никто не мешает ему доводить его до сведения аудитории и читателей. Критика научных или иных авторитетов никому не возбраняется ныне, особенно, если критику действительно есть, что сказать и он достаточно компетентен в своей и обсуждаемой области знаний. Критику, но не критикану, справедливость аргументации не должна переходить в пошлую инсинуацию, т.е. клеветничество, за которое надо отвечать. Боюсь, что профессор Пыженков допустил здесь не самый удачный финт, не очень украшающий его научную биографию. Вся его «подрывная»

изыскательская работа обесценивается самим Вавиловым и его законом, который всякому биологу следует внимательно читать и неоднократно перечитывать, в частности раздел «Идея параллельной изменчивости», где перечислены все предшественники сформулированного им закона.

Пыженкову осталось лишь повторить те же имена, добавив разве что Кювье, но это уже вопрос специальной дискуссии.

То, что большие научные прорывы, не возникают на пустом месте, а ведут свое начало чуть ли не с Аристотеля, а может и раньше, не весть какое открытие. Так и то, что было сформулировано Вавиловым, отнюдь не является ни с какой, ни с моральной, ни с правовой точки зрения, нарушением авторских прав ни Дарвина, ни Уолша, ни Копа, ни других, кто выдвигал идеи сходные с тем, что обобщил в 20 веке Н.И. Вавилов. Вопрос о приоритете закона не был тогда ни для него, ни для его ученых коллег таким уж принципиальным, как теперь выясняется для Пыженкова, одержимого фантомной идеей «развенчания» во чтобы то ни стало «кумира» из пантеона великих деятелей науки. Даже такой авторитетный и серьезный критик закона как Кренке отдавал должное Вавилову в главном: то, что он применил его в практической поисковой работе новых видовых форм, что было очень важным для селекции сельскохозяйственных растений. Сам Пыженков своеобразно, но также отдал должное ему в первой своей брошюре, подчеркивая, что «как искусный ювелир придает обычному алмазу статус бриллианта, так и Н.И. Вавилов разрозненным идеям прошлого придавал индивидуальность, неповторимость, а в некоторых случаях даже законченность. В его умении в хаосе идей найти рациональное зерно и придать ему безупречную огранку заключается оригинальность его как ученого». Применимо ли это к закону гомологических рядов? По логике ювелирной техники, конечно, но не по своеобразной логике Пыженкова. Профессору В.И. Пыженкову, если он так озабочен вопросами научных приоритетов, следовало бы написать по-настоящему серьезную, достаточно развернутую и научно аргументированную статью в один из специальных научных журналов и там, среди специалистов по истории естествознания, а не среди своих не столь осведомленных и просвещенных в ней знакомых, находить должный отклик, поддержку или квалифицированно обоснованную критику. Думается, что в таком виде, как сейчас, она вряд ли была бы принята. Для этого ее надо очистить от всякого, милого, видимо, сердцу автора литературного мусора и сугубо субъективных, а порой и вовсе неприличных личностных оценок, в частности того же Вавилова и его соратников. Любители странной манеры оспаривать и принижать все великое и значительное, сделанное немногими корифеями науки были всегда и находили в этом, очевидно, некоторое самоутверждение личных комплексов неудовлетворенности своим местом в научном и окружающем их мире. Известны, например, весьма абсурдные попытки ниспровергнуть теорию относительности Эйнштейна, а поскольку это никогда и никому не удавалось, предпринимались всякие недобросовестные акции, чтобы принизить если не значение теории, то хотя бы заслуги ее создателя. Опять-

таки в вопросе приоритета, отдавая его целиком Пуанкаре как автору идеи. А вообще не о приоритете бы закона говорить и обсуждать, кто первый сказал «эврика!». Кто автор идеи естественного отбора, Дарвин или Уоллес? По идее, и тот, и другой. Но приоритет Дарвина признал даже сам Уоллес, ибо именно дарвиновский труд «Происхождение видов» сделал эту проблему и ее разрешение достоянием и достижением современной цивилизации. Другое дело, что до сих пор не перевелись любители и профессионалы опровергать Дарвина. Что касается Вавилова, то он фактически завершил и оформил, по-пыженковски методом «огранки», идею параллельной изменчивости в общебиологический закон. И как его создатель имеет вполне законное основание на авторское право. Другое дело, что встречен этот закон был в свое время чересчур, как теперь выражаются, рекламно. Сравнение с периодическим законом Менделеева по тем и нынешним временам представляется несколько чрезмерным. Биологические виды и организмы далеко не столь элементарны как элементы, молекулы, атомы. Вавиловские же таблицы по изменчивости видов достаточно информативны и прогностичны, но не дают того физико-химического диапазона информации о веществе как таблица Менделеева. Однако это вполне может стать возможным теперь на биохимическом, молекулярно-генетическом уровне в силу современных возможностей манипуляции с генами, их выделения, секвенирования, клонирования, когда гомологичные признаки будут представлены тождественными генными детерминантами. Именно сейчас пришло время разрешить давнее сомнение, насколько вавиловский закон затрагивает гомологию, а не аналогию признаков. Скорее всего будет иметь место и то, и другое, но это не умалит самого принципа систематизации и периодизации наследственных элементов живого.

В целом критический настрой В.И. Пыженкова в отношении научного наследия Н.И. Вавилова, его основного вклада в науку и можно было бы понять, если не принять, но сама по себе его аргументация при этом весьма поверхностна, а в некоторых случаях и вовсе не верна. Так отвергая, например, идею Вавилова о происхождении культурной ржи из сорнополевой путем «осеверения», он игнорирует вполне реальную возможность закрепления ржи как культуры в северных регионах, где озимой пшенице становится уже совсем не уютно. Это можно даже проследить в горных районах, где отмечается явная вертикальная зональность этих культур: внизу - пшеница, повыше - смесь пшеницы и ржи, а на самом верху - одна рожь. И разве многие, если не все культуры, не произошли когда-то от диких, в том числе сорных предковых видов и форм? А знаменитая Вятка не могла стать результатом отбора и окультуривания на протяжении многих поколений выращивания ржи в определенной местности? Тем более что она перекрестник и имеет богатый потенциал популяционной изменчивости.

Величие человека, ученого определяется теоретической и практической значимостью сделанного им при жизни и оставленного в наследство потомкам. Вавилов не относился к числу щедро награжденных государством и Советской властью, как, например, тот же Лысенко. Наоборот, известно,

как эта власть обошлась с ним в итоге. Тем не менее, прижизненная, а особенно посмертная его слава более чем заслужена. Он работал не столько на настоящее, сколько на будущее, и поэтому не находил порой должного понимания среди своих современников, и, как выясняется, не находит его и поныне среди отдельных амбициозных, но не слишком отягощенных чувством меры и ответственности за свои слова и поступки лиц. И если говорить о его гениальности, в которой ему как раз отказывает Пыженков, то, думается, что гениальность некоторых его научных прозрений все еще ждет своей окончательной оценки. Понятие «гениальность» это то, что нельзя рационально измерить (как, например, величие), скорее только ощутить, почувствовать. И это довольно верно почувствовал в свое время его учитель академик Д.Н. Прянишников, говоря: «Николай Иванович-гений, и если мы этого не сознаем, то только потому, что он наш современник». Не всякий учитель скажет это о своем ученике. Профессор Пыженков точно не скажет.

Очевидной неправдой Пыженкова является и то, что у Вавилова было мало истинных, преданных друзей, единомышленников. Правда, в одной из статей (памяти Р.Э.Регеля) не им сказано, но повторено: «много званых, но мало избранных». Это о русских ученых, «ряды которых редеют и жутко становится за судьбу отечественной науки». Избранных было на самом деле не так много, у него был свой тесный, не слишком обширный круг людей, его понимавших, делавших с ним великое дело, им замышленное: собрать и использовать весь мировой генофонд растительных ресурсов на благо своего народа и всего человечества. Но у него была огромная армия помощников, и не только в ВИРе, веривших в него и общее с ним дело, искренне его любивших, уважавших и даже обожавших. Естественно они не могли помочь ему после ареста, хотя такие попытки и предпринимались среди ближайших его сотрудников, но благодарная память о нем осталась у них на всю жизнь. Этому свидетельств более, чем предостаточно (взять те же сборники воспоминаний о нем). Были у него, разумеется, и враги, и завистники, и недоброжелатели, их было, к сожалению, тоже немало, и, как оказывается, не только при его жизни. Даже и сейчас предпринимаются выпады, в том числе совершенно оголтелые, типа мухинских, против него как ученого, как личности. Хотел ли того Пыженков или нет, но и его выступление и публикации о Вавиллове нельзя не расценить как неблагодарные, неуважительные, а порой и просто оскорбительные. Чего стоит одна фраза о «нахрапистости молодого человека», которая якобы не понравилась Регелю (откуда, из каких источников это взято?). Мало того это выступление можно вполне объективно рассматривать не только как антивавилловское, но и как антивиновское, направленное также против вавиловского института, где прошло становление Пыженкова как ученого. И дело не в отсутствии добрых слов в адрес научной «альма-матер», а в явной антипатии ко всему, что связано с упоминанием института. По Пыженкову и вавиловским то его называют, если не зря, то по недоразумению. Поживи Вавилов подольше, и не был бы ВИР его имени. Разумеется, каждый человек имеет право на свое мнение и воззрение, в том числе на его публичное выражение. Однако В.И.

Пыженков не только частное лицо, но и преподаватель, заведовавший кафедрой, некогда созданной Н.И. Вавиловым. Поэтому обидно не столько за Вавилова, сколько за студентов, если такие идеи и взгляды насаждаются в их еще не совсем созревшие для научного анализа умы. К тому же изданные якобы за свой счет брошюры имеют на обложке ясные указания на учреждение, к которому автор себя относит: СПбГАУ, кафедра селекции и семеноводства. Не подводит ли он, таким образом, весь коллектив уважаемого учебного института, который не одобрил и вряд ли когда-нибудь одобрит такого рода выступление своего профессора.

Данная статья, написана в форме комментария и рецензии на имевшие в последнее время печатные рецидивы нападок на академика Н.И. Вавилова-великого ученого и гражданина России. Наука, как и искусство, требует, если не жертв, то жертвенности. Известно, что Н.И. Вавилов, как никто другой, полностью отдал себя науке и был в свое жестокое во всех отношениях время принесен в жертву тогдашним репрессивным режимом. Так мухиным, юркиным, пыженковым ли наводить тень снова теперь уже на светлую память об ученом, которого давно нет, но идеи и дела которого не погибли. Ответить всем этим доморощенным геростратам он не может. За него отвечает само его имя, все то великое, что им было сделано и унаследовано продолжателями его трудов и свершений. К большому сожалению и его соратников - вавиловцев с нами уже не стало. Остались одни их, к счастью изданные, воспоминания о своем учителе. В их адрес теперь также раздаются хамоватые реплики типа пыженковской: «началось социалистическое соревнование на лучшее воспоминание». Теперь уже и они не в чести у наших беспардонных хулителей, которые не замечают, что одни, как им кажется, мифы заменяют другими, гораздо худшей пробы. Если заковыченные Пыженковым «соратники» на самом деле знали того, о ком писали, может в чем-то избирательно, панегирически, то он-то действительно с Вавиловым за руку не здоровался. Тогда откуда такой апломб в знании человека. Те же очень искренние и правдивые воспоминания Е.Н. Синской, очень близко знавшей и работавшей с Н. И. Вавиловым, выдаются им за розовую идеализацию. Автору статьи, их прочитавшему, это совсем не показалось. Все зависит от отношения к человеку. Это воспоминания о дорогом ей человеке, друге, учителе. И только в этом может быть проявляется ее пристрастность.

Ну, а при нынешней антивавиловиаде современных «знатоков» личности ученого, надо же как-то реагировать на их, как правило, неуклюжие, но наглые эскапады. Выступать уже не столько в честь (таких выступлений более чем достаточно), сколько за честь Н.И Вавилова, а заодно и всей вавиловской школы ученых. Конечно, их авторитет слишком велик, чтобы кому-то серьезно его поколебать, а автору статьи самонадеянно считать себя достойным защиты их дела. Однако ради, если не уже ушедшего поколения ученых, то нового, «младого и незнакомого» племени, приходящего сейчас в науку, это необходимо делать, защищать от нигилистического взгляда на, что бы там ни было, достойное ее прошлое. Академик Н.И. Вавилов

непреодолимая ценность российской и мировой науки, ее прошлого, настоящего и будущего. Только изучая, развивая, а не искажая, подрывая вавилонское научное наследие, отдавая должное жертвенному гражданскому служению ученого науке и обществу можно надеяться на материальное и духовное их обновление.

Данная статья была подготовлена к печати, когда вышла уже третья брошюра В.И. Пыженкова, в которой он весьма последовательно продолжает свою линию «разоблачения» авторитета Н.И. Вавилова как ученого и человека. Прилагается наш комментарий к ней.

Комментарий

к брошюре проф. В.И. Пыженкова «Н. И. Вавилов и Нью-Йоркское отделение Бюро прикладной ботаники (ВИР)»

Это третья по счету антивавилонская и антивировская брошюра автора, одержимого манией ниспровержения славы большого ученого и созданного им института, добавляет по сути не так уж много существенного по сравнению с уже им написанным на эту тему. История создания Отделения прикладной ботаники и селекции в США во время пребывания там Н.И. Вавилова в 1921 году отражена в письмах заведующего этого заграничного представительства вавилонского института Д. Н. Бородину его директору. Пытаться строить на этом историю их личных и служебных связей, взаимоотношений, а тем более характеристику Н.И. Вавилова, основываясь только на письмах Д. Н. Бородину явно не достаточно. Тем более высветить разносторонне всю сложную проблематику «интродукции культурных и диких растений из Нового Света в Россию» в 20-е годы прошлого уже века. Сложность эта заключается, прежде всего, в том, что подлинными письмами Вавилова Бородину ни автор, ни кто либо другой, похоже, не располагают. В научном эпистолярном наследии Н.И. Вавилова фактически опубликовано лишь одно письмо Д.Н. Бородину за 1929 год. И то лишь, когда Бородин уже отошел от дел, да и само возглавляемое им Бюро, видимо, уже не существовало.

Конечно, публикация писем Д.Н. Бородину не безынтересна для истории науки и проливает какой-то свет на российско-американские связи в области сельского хозяйства и интродукции растений еще до установления дипломатических отношений между СССР и США. Да и на самого их автора. Что же касается адресата этих писем, т.е. непосредственно Н. И. Вавилова, то здесь свет падает на него лишь косвенно и несколько косо, через призму определенной субъективности их автора, уже порядком американизированного и не совсем представляющего реалии российского быта и бытия того переломного для страны времени. Еще более косо, если не предвзято, смотрит на него ныне профессор Пыженков с позиции уже своего времени и личностного неприятия. Из писем Д.Н. Бородину явствует лишь то, что между ним и Н.И. Вавиловым были определенные разногласия в

подходах и масштабах проводимой Бюро интродукционной работы. К тому же постоянно висел вопрос о должном финансировании этого русского сельскохозяйственного агентства в Америке. О каких-либо иностранных инвестициях в сельское хозяйство Советской России рассчитывать в то время не приходилось. Приходилось перебиваться весьма скудными средствами своей истощенной революцией и гражданской войной государственной казны. К тому же в это время страна скатилась в страшный голод.

На этом фоне не так просто разобраться, кто был более прав, полностью оторванный от родины, постигший и принявший американский деловой принцип жизни практик и прагматик Д.Н. Бородин или истинный рыцарь науки, делящий со страной все ее бедствия и честно пытающийся ей помочь своими научным трудом и организационным талантом Н.И. Вавилов. Весьма характерно, что уже в то время явно расположенный к «дорогому Николаю Ивановичу» Бородин по сути пеняет ему за академизм и «диогенство», за что Вавилова потом будут травить на родине. Отдавая дань уважения науке *Botanica applicata*, которой столь беззаветно служил Н.И. Вавилов, он, видимо, все-таки не понимал или не дооценивал «лигульной» специфики труда ученого-ботаника, а потому так, видимо, и не включился в сферу его научных интересов и планов. Так и не написал книги «Полевые культуры США и Канады», которую настойчиво просил его написать Вавилов. Зато, уже не будучи главой русского Бюро по прикладной ботанике в США, решил издать там книгу о советских ученых-биологах, прося содействия в этом Вавилова. Как явствует из последнего письма Бородина, Н.И. Вавилов весьма резко отверг эту просьбу как несвоевременную. Очень жаль, что Пыженков не привел подлинного текста ответа Вавилова, как и другие его письма к Бородину, если, конечно, ими располагал, что сомнительно. Уже поэтому сюжетная драма изданной им брошюры многое теряет, хотя история профессиональных и просто человеческих взаимоотношений двух личностей в ней затронутых представляет несомненный интерес. Бородин при всем своем несомненном уважении к Н.И. Вавилову явно не склонен к его безоглядному почитанию и имеет свой самостоятельный, иногда совсем иной взгляд на задачи и цели проводимой им работы. В то же время Вавилов, безусловно ценя Д.Н. Бородина за знание дела, окружающей обстановки и языка, порой, очевидно, был не слишком доволен им. Это явствует иногда в ряде писем, адресованных другим лицам, где Бородин упоминается вскользь не всегда хвалебно (что-то напутал, достоин ругани). Русское Бюро по прикладной ботанике и селекции в Америке было, по сути, их совместной инициативой и предприятием, а между партнерами, тем более в таком важном и ответственном деле возможно всякое.

После его распада, совпавшего, очевидно, с уходом Бородина из-за срыва финансовых обязательств Наркомзема РСФСР (непризнание и неуплата долга) перед ним и его служащими, в чем Вавилов вряд ли был виновен, а тем более заинтересован, их письменная связь прервалась не сразу. Теперь Бородину пришлось искать работу в сугубо научных сферах, обретая не столько лавры, сколько тернии на посту руководителя Бюро. Характерно, что

просьба Бородина о вавиловской рекомендации его ведущим американским генетикам Т. Х. Моргану и Э.М. Исту не была Вавиловым исполнена под тем предлогом, что тот сам кому угодно мог дать рекомендацию, и не создан для работы в научных учреждениях, чей режим сродни монастырскому уставу, т. е. фактически отказал ему в этом. Примечательно, что в этом письме даже в самом обращении к Бородину: «Николай Дмитриевич!» Н.И. Вавилов опустил неизменное в его письмах «дорогой или уважаемый». На лицо явное охлаждение к бывшему своему сотруднику. О самом последнем его резко отказном письме Бородину уже упоминалось. С тех пор всякая связь между ними, видимо, действительно прервалась, хотя Вавилов еще побывал в США в 1932 году на генетическом конгрессе в Итаке. Дальнейшая научная и жизненная судьба Д.Н. Бородина нам не известна, разве только то, что будучи энтомологом, он с 1928 года сотрудничал с кафедрой зоологии Колумбийского университета. В чем его судьба действительно помиловала, так в том, что он не внял в свое время призыву Вавилова вернуться в Россию и избег трагической участи многих ученых, связанных с границей, в том числе и самого Николая Ивановича.

Небезынтересная история создания и работы Нью-Йоркского Бюро прикладной ботаники и селекции ВИР на примере непростых личных взаимоотношений между его учредителями Н. И. Вавиловым и Д. Н. Бородиным и на основе односторонне приведенной их переписки понадобилась В.И. Пыженкову, чтобы в нелишний для себя раз развенчать образ большого ученого и замечательного человека, низвести его до уровня простого земного смертного со всеми его грехами и ошибками. Что ж все мы не без греха и заблуждений. Не был, очевидно, лишен их и Вавилов. Но о значении и масштабе той или иной личности приходится судить по результатам ее деятельности. Казалось бы вряд ли кому теперь надо доказывать о научной и общественной значимости всего сделанного Н.И. Вавиловым за его столь короткую, но такую яркую и плодотворную жизнь. Оказывается надо, по крайней мере, такому «правдолюбцу», как профессор В.И. Пыженков, поставивший, видимо, целью оставить о себе какой-то заметный след и имя, если не в самой науке, то в околонучной сутолоке всякого рода лжесенсационных слухов и толков. Вот уже и Н.И. Вавилов стал персоной нон грата в пыженковском представлении о научном Олимпе. Собственно, похоже, по его понятиям и самого Олимпа этого нет, а Н.И. Вавилов, как и многие другие, не более чем человек с «сугубо Личностными и Эгоистическими установками». Отсюда «ад реальной действительности его не волновал», а в своей публичной деятельности он демонстрировал лишь прием ИПБД - имитацию бурной практической деятельности. Опровергать это как-то даже неловко. Большими и жирными буквами можно декларировать что угодно, но ложь от этого не станет правдой.

Как известно у Н.И. Вавилова хватало врагов и недоброжелателей при жизни. Оказывается и спустя много лет после его трагической гибели таковые не перевелись. В самом ВИРе у него также были как сокровенные враги, так и откровенные оппоненты. Среди них, как это ни странно,

выделялись особой ретивостью руководители такого ключевого отдела ВИР, как отдел интродукции - А.К. Коль, а вслед за ним Г.Н. Шлыков. Как так получилось, что первый и главный интродуктор страны не нашел общего языка и понимания именно в отделе интродукции своего института тема особого разговора. Вот уж поистине нет пророка в своем отечестве. Много, конечно, определялось своеобразными личными качествами оппонентов, но в немалой степени их позиция и оппозиция диктовалась извне, требованиями государства немедленной отдачи от сельскохозяйственной науки. И в этом отношении сборы вавилонскими экспедициями мирового генетического разнообразия культурных растений и их диких родичей действительно не давали мгновенного и чудодейственного эффекта. Впрочем, не было такового и у Т.Д. Лысенко, как бы он не афишировал свои скороспелые опыты по яровизации и переделкам. Ориентироваться же в то время лишь на одни достижения иностранной селекции, к чему призывал Коль, и чему способствовал, кстати, Бородин, приобретая соответствующий материал в США и Канаде, было в тот момент может быть и проще, но не столь уж дальновидно, учитывая большие различия внешних условий и известную эколого-географическую адаптированность сортов. Н. И. Вавилов все-таки всегда и больше работал на будущее, предвидел большие, революционные сдвиги в мировой и отечественной селекции, основанные на отдаленной гибридизации, полиплоидии, гетерозисе, искусственном мутагенезе. Упор на вавилонское генетическое разнообразие стало в итоге магистральным путем мировой и отечественной селекции, и именно в андийских «горных центрах» происхождения тех же видов картофеля сосредоточен основной видовой генетический потенциал этой культуры. Так нелюбимые Кодем «горные дебри» Вавилова породили не только «растительных неудачников», которые якобы забраковали первобытные селекционеры. На самом деле местные индейцы очень неплохо использовали аборигенные виды картофеля, приготавливая из них подлинные деликатесы. Не очень оценили их, похоже, первые американские интродукторы. И только первые вировские экспедиции С.М. Букасова и С.В. Юзепчука, а затем и самого Н.И.Вавилова открыли в этом регионе Южной Америки настоящий картофельный клад, который стали активно использовать потом в селекции, как у нас, так и за рубежом.

Профессор Пыженков, тем не менее, определенно на стороне Коля в его критике методологии Вавилова. Что ж, как говорится, вольному воля, но надо все-таки оценивать правильность тех или иных взглядов не столько в ретроспективе прошлого, сколько в перспективе будущего. Что же касается личности Шлыкова, то он как раз из тех людей, кто своей оголтелой публичной критикой немало попортил Вавилову крови. Не берусь судить о его роли в тайном доносе на Николая Ивановича, тем более что он и сам испытал потом на себе адский тюремный режим НКВД, отсидев какой-то срок не известно за что. Мне пришлось лицезреть его в свое время в Сухуми, где он проводил экскурсию в дендрарии. Это был, безусловно, знающий специалист своего дела. Как-то стыдно было, правда, слышать от

него почтительный отзыв в адрес Н.И. Вавилова, зная какие речи он произносил и что писал о нем когда-то.

Не требует, видимо комментариев и утверждение Пыженкова о том, что «никогда Лысенко не превращал спор в политические спекуляции». Достаточно ознакомиться с его речью на встрече ударников сельского хозяйства с руководителями ВКП(б) и правительства: классовая борьба, вредительство в ученом мире, колхозники «дают народному хозяйству больше, чем некоторые профессора» и все в таком роде. В ответ сталинское: «Браво, товарищ Лысенко, браво!». Ну, а печально известная августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года, организатором и вдохновителем которой был Лысенко, что это, как ни политический спектакль с самыми зловещими для науки последствиями. Вот уж действительно «темы споров чисто научные». Ну, а говорить о том, что спор о стабильности и изменчивости гена Вавилов якобы проиграл, вообще беспочвенно. Удивляет, как это может утверждать профессор кафедры селекции и семеноводства, знающий о генетике не понаслышке.

Переписка Н.И. Вавилова с Д. Н. Бородиным, а вернее выхваченная из нее только бородинская часть, послужила В.И Пыженкову только предлогом для дальнейшего, весьма последовательного накладывания теней на чтимую всем мировым научным сообществом светлую личность и память большого человека и ученого. При этом он не погнушался «доконать» его уже на материале заведенного по нему следственного дела № 1500. Изложено оно в основном верно, однако и тут Пыженков не удержался, чтобы не уязвить жертву бесчеловечного репрессивного режима. По поводу вавиловской записки о «вредительстве в системе института растениеводства» он бросает поразительную по цинизму фразу: «за язык никто не тянул», к тому же передергивает факты, относя написание ее после окончания следствия. Следствие собственно было спешно свернуто, в связи с началом войны, а суд уже состоялся в начале июля и длился считанные минуты. Так что в это время Вавилову было не до написания записок. Относительно того, как и за что тянули в том учреждении, куда угодил ученый, всем теперь достаточно известно, Пыженкову, очевидно, тоже. Тем не менее, у меня есть на этот счет своя версия, изложенная в брошюре Н.И. Вавилов, Драма жизни и смерти» (укороченный вариант в журнале «Звезда» №10, 2007). Суть ее в том, что Н.И. Вавилов искренне, критично и самокритично пытался разобраться в причинах обвинений, раздававшихся с разных сторон в адрес ВИРа. Сам Пыженков заключает свою очередную разносную антивавиловскую и антивировскую брошюру весьма каверзным, но вполне резонным вопросом: «Почему коллекция растительных ресурсов ВИР за последние 60 лет активной экспедиционной деятельности пополнилась всего на 18000 образцов?». Имеется в виду со времен Вавилова – 300000 и в настоящее время - 318000.

Ну, во-первых цифры, приведенные Пыженковым, весьма разноречивы. В официальном буклете (проспекте), изданном институтом в 1987 году по случаю 100-летия Н.И. Вавилова значится: «К 1940 г. коллекция института

насчитывала около 200 тыс. образцов». Правда в сводке С.М. Алексаняна эта цифра возросла до 250000 со ссылкой: по данным Н.И. Вавилова (Агро-разнообразие и геополитика. С.-Петербург, 2002). Точное определение истинного числа образцов такой обширной мировой коллекции, как коллекция ВИР, дело не такое простое и зависит от разных критериев оценки и учета. Тем не менее, предложенные Пыженковым варианты ответа можно комментировать следующим образом. Довоенная цифра – 300000, весьма условная и явно завышенная. Военные потери коллекции безусловно были, несмотря на все жертвы и мужество, проявленные ее хранителями в нечеловеческих условиях блокадного города. По сводке Алексаняна в 1945 г. она насчитывала 168700 образцов. Активная послевоенная деятельность ВИР по сбору растительного материала – не блеф. Пик ее пришелся на 1970-1990 гг. К 1990 г. коллекция ВИР составляла 350000. За время нашей так называемой перестройки убыль коллекции стала едва ли не сопоставима с потерями в военное время. К условиям всеобщего расстройтва в стране добавился ее распад и потеря коллекций с потерей ряда опытных станций ВИР, отошедших в страны ближнего зарубежья. Так что нынешняя цифра, определяющая численность коллекции ВИР не должна кого-либо удивлять. Многое в свое время приобрели, но и многое со временем потеряли. Современное пополнение коллекции уже далеко не то, что было в пору вавилонских и послевоенных экспедиций. Многое теперь определяется и ограничивается международной конвенцией по биоразнообразию, делающей упор на суверенные права стран по сбору генресурсов в пределах своей территории. Вот и все варианты.

И, наконец, по поводу того, что Вавилов часто повторял фразу: «Много званых, но мало избранных», тем самым как бы ограничивая круг лиц, способных понять цель его работы и служения науке. Это известное евангельское изречение Христа (Матф. гл 22.14), которое Пыженков зачем-то присвоил какому-то средневековому проповеднику (вот уж ученость некстати, да и Людовик явно не под тем номером). Да Н. И. Вавилов имел на это определенное основание. Он сам был из числа избранных подвижников науки, почти религиозно верящих в ее гуманистическую, спасительную для человечества миссию. Он поразительно много успел сделать за свою короткую жизнь, многое не успел, не дали, не поняли, сгубили. Он и теперь до конца не понят и даже кого-то званного, но не избранного раздражает, как и при своей жизни. Но это удел немногих истинных пророков в своем отечестве и Н.И. Вавилов – один из них.

Литература

1. Алексанян С.М. Агробиоразнообразие и геополитика. С.-Петербург, 2002. 361с.
2. Вавилов Н. И. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. Линнеевский вид как система. Л. Наука. 1967. 33с.
3. Мухин Ю. Убийство Сталина и Берия. Форум. 2003.
4. Мухин Ю. Продажная девка генетика. 2006.
5. Пыженков В.И. Н.И. Вавилов-человек, ученый, организатор и руководитель кафедры генетики и селекции Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (СПбГАУ). С.-Петербург. 2004. 45с
6. Пыженков В.И. Николай Иванович Вавилов и его «закон гомологических рядов в наследственной изменчивости» С-Петербург, 2006. 27с.
7. Пыженков В. И. Н.И. Вавилов и Нью-Йоркское отделение Бюро прикладной ботаники (ВИР). С-Петербург, 2007. 50 с.
8. Трускинов Э.В. Н.И. Вавилов. Драма жизни и смерти (литературно-публицистический очерк). С.Петербург, 2006. 47с
9. Эрнст Трускинов. Н.И Вавилов. Драма жизни и смерти. Звезда. 2007/10. с.188-199.
10. Юркин А. Семенные войны. «Новый Петербургъ».№50. 8. 12. 2007

